

Перед глазами лежали вещи, каждая из которых в современном мире считалась бы сокровищем, достойным того, чтобы выставить её в музее под тремя стеклянными колпаками и под охраной десяти телохранителей. А сейчас эти изысканные, неподвластные времени шедевры просто лежали здесь — бери, смотри, трогай, забирай.

Добротного добра было столько, что у Бай Таньси разбегались глаза. Помимо рядов коробок на стеллажах, на полу громоздились многочисленные окованные красным деревом сундуки.

— В этих сундуках, должно быть, что-то крупное? Или серебро, — подумал Бай Таньси, вспоминая Сон в красном тереме, где Юаньян распоряжалась личной казной матушки Цзя. Он подсознательно решил, что в этих сундуках хранятся личные сбережения Юнь Инь.

— Открой и узнаешь, — Лоу Цин присел на корточки, протянул руку к висевшему на сундуке медному замку и с сухим щелчком сорвал его.

Движение было быстрым, точным и решительным. Всё произошло практически беззвучно, отчего по спине Бай Таньси пробежал холодок.

Как ни старайся открывать сундук осторожно, дерево всё равно будет скрипеть. К счастью, они проявили предусмотрительность и, едва войдя, поставили барьер. Даже если бы они устроили здесь драку, снаружи никто бы ничего не услышал.

Когда крышка сундука откинулась, Бай Таньси заглянул внутрь и с удивлением обнаружил там шкатулки из парчи.

— Матрешка, что ли? — проворчал он, вытаскивая одну из шкатулок, чтобы рассмотреть получше, и обнаружил на ней ещё один замок.

— ... — Ну сколько можно!

Взвесив шкатулку в руке, Бай Таньси пробормотал:

— Раз так тщательно заперто, внутри точно что-то ценное.

— Давай я, не порань руки, — вызвался Лоу Цин.

Бай Таньси подумал, что это разумно: ломать замки голыми руками лучше доверить тому, у кого есть опыт и сноровка.

Когда они передавали друг другу вещи, их руки соприкоснулись. Ладони Лоу Цина были теплыми и сухими, словно в них скрывалось маленькое солнце. Это тепло, просочившееся сквозь кожу, вызвало у Бай Таньси невольное восхищение:

Не зря он дух дерева, полный янской энергии — огонь в нем так и пылает!

Лоу Цин, не подозревая о странных мыслях товарища, в мгновение ока сбил замок. Заглянув внутрь, он с невозмутимым видом протянул шкатулку Бай Таньси, предлагая посмотреть самому.

Бай Таньси опустил взгляд и обнаружил внутри два внушительных фаллоимитатора.

— ...

Они обменялись молчаливыми взглядами. Что ж, такие вещи действительно стоило спрятать подальше.

Мечта о сокровищах с треском лопнула. Бай Таньси с досадой захлопнул крышку. Наверняка в остальных коробках такие же игрушки, и, скорее всего, всё это принадлежало Юнь Инь, причем явно было в употреблении. Забрать их — выглядеть извращенцем; не забрать — тоже как-то нехорошо. Он ведь хотел отвезти этот сундук с антикварными секс-игрушками в современность и передать в музей как вещественное доказательство быта древнего общества.

Лоу Цин усмехнулся:

— Глубина и острота — дело тонкое, даже мудрецу не сразу разобраться. На самом деле, это тоже можно считать ценностью.

Бай Таньси дернул уголком рта. Он никак не ожидал, что товарищ Лоу окажется таким начитанным сельским демоном. Раз уж Лоу сказал, что это ценность, то он, пожалуй... заберет?

— Ой, перестань, он просто подшучивает, — хмыкнула Система. — Сынок, у тебя какие-то странные вкусы, папаша даже не хочет тебя признавать.

Не обращая внимания на болтовню Системы, Бай Таньси взмахнул рукавом и отправил весь сундук с интимными принадлежностями в кольцо хранения.

Взгляд Лоу Цина стал весьма странным. Он несколько раз хотел что-то сказать, глядя на Бай Таньси, но в итоге решил:

— Всё это было в употреблении, негигиенично. Если тебе нужно, я куплю тебе новое...

Сердце Бай Таньси обливалось кровью. Почему никто из этих милашек не может понять его благих намерений!

Объяснить Лоу Цину, что он берет это для музея, а не для личного пользования, было невозможно, поэтому оставалось лишь придумать правдоподобный предлог.

— Лоу, ты не так понял, — Бай Таньси молча отвернулся, придав голосу трагические нотки. — Мы всё равно выносим отсюда всё, оставлять один этот сундук было бы слишком подозрительно.

— О, — Лоу Цин посмотрел на его спину, и в его голосе послышался глубокий смысл. — Таньси прав. Мы здесь, чтобы вынести всё подчистую. Это я поспешил с выводами, надеюсь, Таньси не в обиде.

Бай Таньси чувствовал себя измотанным; казалось, товарищ ему не очень-то верит.

Да и ладно, он бы и сам в такой бред не поверил. Раз Лоу Цин подыграл ему и даже нашел благородную причину, стоит быть благодарным.

Забудьте. Кто способен понять его пылкое сердце, стремящееся к культуре Китая? Лучше продолжить грабеж. Только эти сокровища могли утешить его в ситуации, когда оправдаться невозможно.

На следующее утро вдовствующая наложница Юнь сидела за столом, а Су Юэ и Су Э прислуживали ей во время трапезы.

— Госпожа, это жареные воробьи, которых прислал Его Величество, — Су Э, держа серебряные палочки, тихо спросила Юнь Инь. — Госпожа, не желаете попробовать?

— Кузен заботится обо мне, знает, что я люблю это блюдо, — Юнь Инь сдержанно кивнула. — Что ж, подавай.

Су Юэ улыбнулась:

— Жареные воробьи в исполнении матушки Ли — лучшее лакомство во дворце! Она уже старая, сил у неё немного, приготовила совсем чуть-чуть. Но кто же не знает, что наша госпожа любит это блюдо? Какие бы там ни были наложницы, все должны уступить.

Юнь Инь было приятно это слышать. Кто не любит лести? К тому же, вспомнив, что тот немой, который везде разносил аромат Сладкая роса, скоро тихо умрет, она почувствовала, что настроение стало еще лучше.

— В конце концов, это не соленые утиные яйца, которые на каждом шагу валяются, можно хоть

три-четыре чана притащить. Только деревенщины любят такие грубые вещи.

Су Юэ и Су Э поняли, что Юнь Инь насмехается над той, что живет в павильоне Водяных Лилий, и, стараясь угодить, прикрыли рты платками, хихикая.

В этот момент личная служанка Юнь Инь, Хуанли, в панике влетела в комнату и с грохотом рухнула на колени перед тремя женщинами.

— Госпожа! Беда! Вещи в личной казне пропали!

Юнь Инь испугалась и в сердцах пнула её ногой, опрокинув на пол!

— Дрянь! Что ты орешь? Не знаешь, что я в положении? Если напугаешь моего наследника, я с тебя голову сниму!

Су Юэ и Су Э поспешно бросили палочки и бросились успокаивать Юнь Инь, массируя плечи и поднося чай, умоляя госпожу не гневаться и не вредить своему здоровью.

Служанка, которую пнули, тут же поднялась и снова встала на колени. Когда она подняла лицо, стало видно, что её глаза покраснели и распухли.

Она, давась от обиды, сквозь слезы проговорила:

— Госпожа, рабыня не лжет. Вы вчера сказали, что хотите выпить фруктовый сок из глазурованной чаши, и сегодня я пошла в казну вместе с Дуцзюань. Но едва мы открыли дверь, как увидели, что внутри пусто, даже стеллажи исчезли!

— Этого не может быть! — Юнь Инь ударила по столу и резко встала. — В моей казне было бесчисленное количество серебра, напольные вазы, стеклянные ширмы — без семи-восьми человек их не унести. Как они могли просто исчезнуть? Я вчера видела, всё было на месте!

Хуанли отчаянно забила поклоны, разбив лоб до крови, которая потекла по лицу. Вид у неё был крайне жалкий.

— Госпожа, умоляю, рабыня не смеет лгать!

Юнь Инь охватила паника, но она отчетливо помнила, как вчера заходила в свою казну, и та была забита вещами до отказа.

От этой мысли кусок не лез в горло. Поговорка гласит: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Она должна убедиться во всем сама!

В павильоне Тяньсинь Чжоу Дэхай, согнувшись в три погибели, растирал тушь для Чжао Гунчжэна.

Чжоу Дэхай был уже немолод, спина болела, но он стиснув зубы продолжал свое дело — для него это была великая честь.

На самом деле, поясница болела не только у Чжоу Дэхая. В последние дни Чжао Гунчжэна повсюду окружали толпы назойливых красавиц. У любой, даже самой крепкой спины, наступит предел. Эта наложница Цзеюй из Западного дворца была с ним много лет, их связывали глубокие чувства, и он не мог её обидеть; та красавица Ван была новой фавориткой, нежной и привлекательной, со своим особым шармом. Все обитательницы дворца изощрялись в попытках добиться милости: то суп пришлют, то блюдо приготовят, то стихи читают, то спотыкаются и падают в объятия — уловок было не счесть.

Словно иссохшая земля, жаждущая дождя, эти голодные до ласки красавицы использовали все средства, чтобы выжать из императора хоть каплю внимания в надежде зачать ребенка.

Взгляды, мягкие тела, от которых туманится разум — насладившись этим, Чжао Гунчжэн больше не мог выносить подобного напора. Теперь при виде женщин он чувствовал себя так, словно встретил тигра или леопарда, и мог лишь прятаться в павильоне Тяньсинь, надеясь на покой.

Павильон Тяньсинь был местом, где император занимался делами, и наложницам вход туда был заказан. Хотя Чжао Гунчжэн не хотел больше делить постель с женщинами, он был бы не против, если бы кто-то из красивых служанок растирал ему тушь. Как говорится, чтение книг в сопровождении прекрасной девы — это так изысканно! Это куда лучше, чем смотреть на старое лицо Чжоу Дэхая!

Увы, Юнь Инь была ужасно ревнива.

В прошлый раз он похвалил служанку Цзиньсю, которая растирала ему тушь, сказав, что её руки нежны, как молодые побеги, и на следующий день её не стало.

Чжао Гунчжэн не понимал, с чего это Юнь Инь так взбесилась. Он с рождения был наследным принцем, и вокруг него всегда крутились красавицы — в этом не было ничего предосудительного. К тому же Юнь Инь теперь вдовствующая наложница, разве могла она стоять в павильоне Тяньсинь и растирать ему тушь?

Вспомнив, как Юнь Инь вечно закатывает истерики, он с головной болью подумал: ладно, пусть уж лучше Чжоу Дэхай растирает.

— Ой, вдовствующая наложница, почему вы здесь? — издалека слышался голос евнуха. Чжао Гунчжэн замер: неужели мысли материальны?

— Уйди! Я должна видеть Императора! — после того как Юнь Инь забеременела, её характер стал невыносимым. Она приподняла подол и, пользуясь своим положением, ворвалась в кабинет Чжао Гунчжэна.

— Ваше Величество! — едва войдя, она залилась слезами. — Мою казну обокрали!

Чжао Гунчжэн подумал, что это за представление, и бросил взгляд на Чжоу Дэхая. Тот тут же удалился, не забыв плотно закрыть двери и окна.

— Кузен, — Юнь Инь подбежала к нему и обняла. — Мои сбережения украли! Ты должен восстановить справедливость!

— Украли? — Чжао Гунчжэн усмехнулся про себя. Он прекрасно знал, сколько добра было в казне Юнь Инь, ведь вчера они там уединились и играли в весьма интересные... игры.

Она не хотела в это верить, но вещи из комнаты исчезли бесследно. Теперь ей было не до того, чтобы погубить Бай Фэнлу, она хотела вернуть свои сокровища!

— Мои драгоценности исчезли, даже стеллажи унесли! Стены голые, пол чист. Даже тот наш... тот сундук с вещами пропал!

Чжао Гунчжэн не поверил ни единому слову. Тяжеленные стеллажи из сандала и палисандра, сундуки из золотистого нанму — кто станет красть вещи вместе с мебелью?

А уж про игрушки и говорить нечего. Чжао Гунчжэн был уверен, что Юнь Инь всё это выдумала, чтобы устроить скандал.

И точно, она вцепилась в его халат и надула губы:

— Я уверена, это сделала Императрица! Во дворце только она способна бесшумно вынести все мои вещи!

— Инь-инь, перестань, хорошо? — Чжао Гунчжэн высвободил помятый рукав и вздохнул. — Мне нравится твоя живость, но это не значит, что я люблю твои выходки. Синь Юэ — женщина рассудительная, она никогда бы не сделала ничего подобного. Сейчас вы обе в положении, давайте без глупостей, будь послушной.

Юнь Инь пришла в ярость, схватила лежащие на столе доклады и швырнула в императора.

— Подумаешь, беременна! А мой ребенок — не твой, что ли? Мои деньги пропали... я пришла к тебе, а ты думаешь, что я капризничаю!

На полу валялись бумаги, повсюду летели чернила. Чжао Гунчжэн пытался вразумить скандалистку. В этот момент снаружи раздался громогласный крик:

— Кто смеет бесчинствовать внутри? Ваше Величество, я иду на помощь!

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвалась толпа. Во главе её был дед Пятого принца, Юань Шанъань.

Чжао Гунчжэн при виде этого старика сжал зубы от досады. Он не знал, виновато ли в этом его имя — Шанъань (Мир и покой), но каждый раз, когда император хотел его уничтожить, ему постоянно что-то мешало.

Этот старый хрыч бодро стоял перед ним, указывая на Юнь Инь, которая всё еще цеплялась за Чжао Гунчжэна, и воскликнул:

— О! Почему здесь вдовствующая наложница Юнь! Прошу Ваше Величество простить мою дерзость! — затем он потянул за собой всю толпу, и они дружно рухнули на колени.

Чжао Гунчжэн едва не выплюнул кровь от ярости, глядя на коленопреклоненных чиновников.

Как они могли оказаться здесь в такой момент? Это слишком подозрительно!

Бросив взгляд на остолбеневшую Юнь Инь, он лихорадочно соображал, как объяснить их двусмысленную позу.

— Вставайте. Я ценю вашу преданность. Сейчас жарко, у наложницы случился приступ, не обращайтесь внимания.

— Это место, где Император решает государственные дела, — Юань Шанъань поднял с пола доклады, выглядя крайне огорченным. — Доклады — это плод раздумий чиновников, связующее звено между небом и народом, как может женщина топтать их! Я на службе сорок лет, но никогда не видел такой нелепицы!

— Посмотрите на господина Ли Цзюньсуна! В преклонном возрасте, с ослабевшим зрением, он при свечах пишет доклады, не доверяя это никому! Старый Ли так усерден ради народа и ради Вас, Ваше Величество!

— Если у наложницы безумие, её нужно лечить, а не позволять ей здесь бесноваться! Или, может, охрана Вашего Величества не может остановить даже женщину? Она превратила ваш

кабинет в свой дворец Чаннин, входя и выходя когда вздумается!

Чжао Гунчжэн ответил:

— Все знают, что наложница в положении, зачем господину Юаню ссориться с женщиной?

Юань Шанъань указал на растрепанную Юнь Инь:

— Не я с ней ссорюсь — безумная женщина, пользуясь своей беременностью, врывается в павильон Тяньсинь, где величие императорского дома?

— Мне уже шестьдесят три, я старик, но не боюсь смерти! — Юань Шанъань со слезами на глазах отчитывал Чжао Гунчжэна. — Императорская семья превыше всего! Почтение к наложнице — это хорошо, но всему есть предел! Она вломилась сюда, устроила скандал, хватала Вас за руки — нельзя просто так сказать не обращайтесь внимания!

— Добродетель — это прекрасно, но нужно проявлять и строгость. Вы только взошли на престол, если создадите такой прецедент, разве не все наложницы побегут в павильон Тяньсинь? Что тогда подумают чиновники?

Чжао Гунчжэн понимал, что старик несет чушь, но ничего не мог поделать. Юнь Инь сама прибежала сюда. Старик давил на совесть, взывал к величию династии, и другие чиновники тоже начали всхлипывать, изображая готовность умереть за правду.

Юнь Инь не была чиновником и не обладала такой выдержкой. Она и так была в отчаянии из-за пропажи денег, а тут её ещё обвинили во всех грехах и начали поносить на чем свет стоит. Кто это выдержит?

В её глазах вспыхнул огонь. Хорошо, вы называете меня безумной? Тогда я покажу вам, что такое безумие!

Она подняла правую руку и с размаху ударила Юань Шанъаня по лицу!

Это был удар не только по старику, но и по всему кабинету министров!

Юань Шанъань увернулся и закричал:

— Я три поколения верно служил дому! А теперь меня оскорбляет безумная женщина, а Император молчит — сердце моё разбито!

Культурные люди больше всего ценят лицо. При жизни — золотые пояса, после смерти —

посмертные титулы. Император должен выказывать им особое уважение, тогда они готовы служить до смерти.

А теперь вышло так, что вельможу трех императоров преследует сумасшедшая наложница покойного императора. И всё из-за того, что он лишь хотел защитить достоинство власти.

Ужасно то, что Император не видит в этом проблемы.

Ваше Величество, ваша позиция очень сомнительна! Если вы так обращаетесь с заслуженным вельможей, что ждет нас? Ваше двусмысленное молчание и ваши позы заставляют нас подозревать, что между вами есть нечто предосудительное!

На самом деле, именно Бай Таньси через Хайтан подговорил Юань Шанъяня прийти сюда. Его целью было заставить эту парочку врасплох. И хотя полностью не удалось, зерно сомнения было посеяно.

Как говорится, революция еще не завершена, товарищам нужно приложить усилия.

В тот день Чжоу Дэхай помог Чжао Гунчжэну выйти из ситуации, и тот смог спровадить недовольных стариков.

Но досталось не только Юнь Инь, но и самому Чжао Гунчжэну.

В отличие от Юнь Инь, он прекрасно понимал все намеки и цитаты, которые использовали старики. Эти проклятые чиновники содрали с него кожу.

Вспоминая об этом, Чжао Гунчжэн злился, и весь гнев выплеснул на Юнь Инь.

Зачем ты устроила этот цирк? Теперь мы оба опозорены! Вечно клеветешь на Императрицу, эта тактика тебе еще не надоела?

Кокетство — это мило, но истерики — это смертельно. Чжао Гунчжэн тут же приказал наложнице не покидать дворец Чаннин, чтобы она могла поразмыслить над своим поведением, заодно успокоив чиновников.

Юнь Инь потерпела сокрушительное поражение: потеряла деньги, лицо и изрядную долю расположения императора. Понимая, что весь дворец теперь потешается над ней, она в ярости разбила чашку.

Невезение — это когда даже вода в горле застревает.

Кошмар! Что за день такой!

Су Юэ и Су Э могли лишь уговаривать её: если она будет вести себя тихо, возможно, запрет снимут раньше.

А если приготовить суп, отправить его императору, извиниться и сказать несколько добрых слов — не всё ли уладится?

Юнь Инь очень хотелось проявить нежность, но кулинарные навыки у неё отсутствовали напрочь. Прокоптившись на кухне всё утро, она ничего путного не создала, и в итоге пришлось поручить кухарке сварить суп, который Су Э и отправила императору.

— Готовить — это так утомительно, — Юнь Инь, опираясь на руку Су Юэ, медленно опустилась на кровать. — Неудивительно, что обычные женщины к тридцати годам уже выглядят старухами.

Су Юэ, стоя на коленях, сняла обувь с ног наложницы и начала нежно массировать её отекающие ступни.

— Госпожа в положении, поэтому, естественно, быстрее устает.

— Точно, — Юнь Инь прикрыла рот, зевая. — Хватит мять, я хочу поспать.

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/21661/2235127>